

**Воспоминания к.м.н. Елены Яковлевны Потаповой (Певзнер),
внучатой племянницы Сергея Михайловича Воздвиженского**

У Сергея Михайловича и Татьяны Александровны Воздвиженских не было своих детей, но во время Великой Отечественной войны они заменили дедушку и бабушку внукам родной сестры Татьяны Александровны. Елена Потапова и ее брат называли Сергея Михайловича «дедя».

При публикации сохранена орфография автора.

За двадцать лет нашей общей с деде́й общей жизни (с 1940 года, когда я родилась, до 1960 года – его смерти) я ни разу не слышала, чтобы он повысил голос на кого-то из окружающих, не упрекнул и или «занудствовал», не возмутился чьим-то поведением или «выступлением».

Он всегда был доброжелательным и спокойным в общении, иногда слегка ироничным (скорее, шутливым с нами). Окружающие (родные) воспринимали такое его поведение обычным, нормальным, хотя причин для раздражения было больше, чем достаточно. Ведь на самом деле, это было «общежитие» людей с довольно сложными (даже трагическими) жизненными обстоятельствами и лишениями. Само это время – сороковые с голодными военными годами, и позже – не намного легче.

Даже, если «забыть» резкую смену жизни (он желанный, молёный, единственный, горячо любимый сын в семье священников) с женой (Татьяной Александровной) – моложе его на полтора десятилетия, оторван от своих корней, всю оставшуюся жизнь живет в одной комнате с незамужней свояченицей (Людмилой Александровной), имеющей, кстати, «не самый легкий» характер и, естественно, недовольной той жизнью.

Опять же, кстати, Людмила Александровна, будучи в семье наиболее «продвинутой» для того времени, знающая пять иностранных языков, читающая книги почти исключительно на французском или польском языках, зачастую позволяла себе острую критику существующих реалий жизни. <...>

Если говорить о Сергее Михайловиче, то надо отметить, что никакого участия в этих обличениях свояченицы он никогда не принимал, хотя его все это касалось не меньше, а скорее – больше. Он тоже потерял семью, близких, обожаемую Москву и вынужден был жить и обеспечивать родных жены.

Итак, Сергей Михайлович был вынужден жить в семье жены. В каких условиях? По меркам описываемого времени квартира большая, но,

вероятно, раньше была гораздо больше. Теперь на том доме – Первомайская, 99 – табличка «Дом доходный с флигелями В.А. Агаревой, конец XIX века» (современный адрес: ул. Киселева, 17). Понятно, этот дом впоследствии поделили на квартиры. Вероятно, раньше эта квартира была большей, а затем ее разделили при уплотнении на две. Когда это произошло: до вселения Вершинских-Воздвиженских или позже – не знаю. Не помню, чтобы это обсуждалось, но сейчас мне понятно, что это логично, о чем свидетельствует планировка помещений (явно, что часть жилых комнат отрезана). Получается, что полноценная по метражу комната для жилья – одна. По-видимому, это был зал с камином, тремя окнами на улицу, высоким потолком, площадью примерно 30 квадратных метров. <...>

Как и когда они оказались в Саратове и в каком составе поселились на ул. Первомайской, д. 99, кв. 6, я не знаю (а теперь, видно, и спросить не у кого). <...>

Через год после моего рождения началась война, голод, и жизнь стала уж очень тяжелой. Вдобавок ко всем несчастьям, Сергея Михайловича сбил с ног велосипедист, он сильно ударился головой, после чего мучился сильными головными болями. <...>

Для человека, занятого большой интеллектуальной работой (кандидат наук, доцент, даже заведующий кафедрой какое-то время), вынужденного быть источником финансирования неработающей жены и ее родственников, с проблемами со здоровьем, домашний очаг должен быть оазисом отдыха. На самом деле всего перечисленного вполне достаточно для плохого настроения, раздражительности и даже агрессивности к шумному окружению и отсутствию покоя и уединения. Ничего этого он себе никогда не позволял, никогда не жаловался, ни на кого не повышал голос, всегда был приветлив и радушен. <...>

В более молодые годы у Сергея Михайловича с Танечкой были приятели (наверное, сотрудники С.М. с женами), есть фото, встречались семьями, праздновали. Я помню, что Таня однажды взяла меня с собой в гости, даже их фамилию запомнила (Грюнберги). <...> Как Сергей Михайлович с Танечкой развлекали гостей, что ели, пили – не знаю, при мне Сергей Михайлович никогда не курил и не выпивал. <...>

Сергея Михайловича интересовали в основном книги. Единственной причиной, кроме работы, привлекающей его к выходу из дома, был обязательный воскресный поход в «Когиз» («Дом книги») на углу проспекта Кирова и Вольской. Он ходил туда по воскресеньям к открытию, изучал поступления, покупал по возможности (цены были невысокими, качество соответственно). Кроме книг, он никогда больше ничего не покупал, все

остальное ему было неинтересно. До войны у него была прекрасная библиотека (во время войны большая часть была распродана, как и рояль жены Танечки). <...>

В житейском плане, Сергей Михайлович был очень тонкой трепетной натурой. Он был мало приспособлен к суровой действительности того времени. Профессионально сильная натура, в эмоциональном плане он не был силен. <...> Видя страдания животных и птиц, он совершенно терял голову. Я была свидетелем его отчаяния, с которым он влетел в квартиру и бросился чуть ли не со слезами к жене: «Танечка, там на лестнице больная кошечка!!!» Конечно, кошечку (довольно страшенькую, кстати) пришлось взять, отмыть, избавить от поноса, блох и лишаёв и оставить на постоянное проживание в квартире. <...> Людям он, конечно, хотел бы всем помочь, но это было сложнее. <...>

Ум его, ироничность, легкий сарказм, способность к стихотворчеству и рисованию остались втуне (внутри него спрятанными, не востребованными).

2023 г.